

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЧУДИК» И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

Рассматривается лингвокультурный типаж «чудик» как синтезирующий тип и его проявление в художественных текстах В. М. Шукшина. Данный лингвокультурный типаж анализируется с учетом основных результатов современной антропологической лингвистики, а также мотива и феномена юродства и «добровольного шутовства», характерных для русской традиционной культуры XIX века. Определены ключевые ряды типажей-героев и выявлены основные типы героев-чудиков В. М. Шукшина (несостоявшийся ученый, философ, художник, актер, музыкант, враль), стремящихся подняться над обыденностью жизни, определены основные особенности речевого поведения «чудиков» в своеобразном «перевертывании» ситуации жизненного случая героя на примере рассказа «Дебил», раскрыта функция использования «чудиком» речевой маски в контексте коммуникативно-речевой дисгармонии.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, «чудик», юродство, речевое поведение, В. М. Шукшин.

Одним из активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики является теория лингвокультурных типажей (В. И. Карасик, О. А. Дмитриева, Е. А. Ярмахова, В. В. Деревянская, А. Ю. Коровина, Л. П. Селиверстова, Л. А. Енина, В. Долгов и др.).

Будучи понятием синтезирующего типа, «лингвокультурный типаж» представляет собой «переживаемую культурную субстанцию в ментальном мире носителя языка, содержание которой определяется такими факторами, как история развития данной культуры, эмоциональное отношение представителей данного этноса к рассматриваемому концепту» [1, с. 317], а также трактуется как «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [2, с. 16]. Данное понятие связано с ключевыми проблемами лингвокультурологии и лингвоперсонологии, соотносится с такими понятиями, как «персонаж», «роль», «стереотип», «речевой портрет», «имидж», так как «лингвокультурный типаж» является «характеристикой языковой личности сквозь призму ее коммуникативного поведения» [3, с. 226]. Выстраивание коммуникативного поведения лингвокультурного типажа происходит в соответствии с определенными ожиданиями, где роль (социальная), как общая схема поведения, составляет основу содержания поступков типажа [2, с. 12]. Но нужно учесть, что для типажа характерен не только набор ролевых предписаний, шаблон определенного поведения, для него характерны речевые особенности, перцептивно-образные представления, так как «типаж соотносится с теми или иными узнаваемыми людьми» [4, с. 48]. Приведенные теоретические положения и установки позволяют проанализировать специфику отражения данного феномена (лингвокультурного типажа) на материале художественных текстов В. М. Шукшина.

В рассказах писателя или, по словам самого В. М. Шукшина, «одном большом романе» [5,

с. 249], шукшиноведы выделяют ряд типажей-героев: *праведник, путник, авантюрист, фантазер, философ, античудик, ерник, лжец, мечтатель, ребенок, деятель, счастливец, преобразователь* и т. д. Писателю удалось открыть и новый тип героя, в основе которого был хорошо забытый старый герой – чудака, простака, дурачок, добровольный шут, юродивый, в котором авторы древнерусской литературы и русские классики XVIII – начала XX в. могли увидеть и видели надежду на спасение в «неспокойное» время в предощущении национальной катастрофы. В. М. Шукшин утверждал, что «есть на Руси... тип человека, в котором время... вопиет так же... потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники не от мира сего) – много их было в русской литературе» [5, с. 54].

Мотив юродства и типаж «добровольных шотов», «буффонов», праведников, блаженных, «чудных», «феноменов» Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, В. Г. Короленко проявился у В. М. Шукшина особым образом: писатель назвал своего трикстера «чудиком», «обычного человека с необычным складом души со свойственной эксцентричностью, импульсивностью, непредсказуемостью поведения» [6, с. 51]. Явление чудаковатости, юродства связано с народной культурой (работы Д. С. Лихачева, А. М. Панченко), и «ни одна страна не может представить такого обилия юродивых и примеров необыкновенного уважения к ним, как Древняя Русь» [7, с. 954]. В. М. Шукшину удалось запечатлеть это уникальное явление.

Феномен юродства является ярким примером самоопределения себя и способом презентации конкретной личности и эпохи. В этом феномене уживаются два мира (реальный и горний), воплощенные в реальных и фантазмагорических действиях. По мнению Н. Н. Ростовской, «юродивый – это тот, кто следует иной логике, имеющий точку отсчета в абсолюте. На место законов этого мира –

небесного, на место я – Бога, на место ума – веру, на место сна – бодрствование, на место слова – образ, на место внешнего – внутреннее, на место культуры – культ» [8, с. 106].

Человек, занимая промежуточное положение между смеховым миром и церковным укладом, играя роль «не от мира сего», совмещал в себе черты мистичности и святости, парадоксальности и разумности, иллюзии и реальности, игры и конкретного действия. В обыденном сознании юродивый ассоциируется с обыкновенным «дурачком», «чудиком», имеющим душевное или телесное убожество. Но именно юродивым «разрешалось „ругаться миру“, не почитая место и время. Добровольное принятие на себя тягот и жизненных лишений, готовность к постоянным издевкам, пинкам и поношениям давало им право обличать всех и каждого» [9, с. 126].

Можно согласиться с утверждением, что образ юродивого семантически сложен; это образ, несущий в себе единство традиций русской литературы XIX в. Но В. М. Шукшин был абсолютно уверен, что активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», тем самым обличать грехи сильных и слабых, при этом не обращать внимание на общественные приличия [10, с. 85]. Главных героев произведений В. М. Шукшина можно назвать «юродивыми», «чудиками» – определение, которое ввел Шукшин. Такие «чудики» являются любимыми персонажами писателя: «Чудики – странные люди, у каждого из них имеется свой неповторимый „пунктик“, но всех их роднят общие положительные черты: доброжелательное отношение к людям, любовь к труду, желание изменить в лучшую сторону социальное устройство общества. Порой поступки „чудиков“ создают неудобства для окружающих, но этими людьми неизменно движет доброта» [11, с. 87]. Чудики, главные герои Шукшина, – это образы простых людей, которые окружают нас. В. Шукшин говорил о своих чудиках: «Мне интереснее всего исследовать характер человека-недогматика, не посаженного на науку поведения. Такой человек импульсивен, поддается порывам, а следовательно, крайне естественен. Но у него всегда разумная душа. Рассказывая о таком человеке, я выговариваю такие обстоятельства, где мой герой мог бы вольнее всего поступить согласно порывам своей души» [5, с. 218].

В. Астафьев, отвечая на вопрос «Что есть чудачество в России?», заметил: «В селе нашем, что ни двор, то причуда иль загиб какой, если не в хозяйстве, то в хозяине» [12]. Практически все рассказы В. М. Шукшина имеют главных героев – «чудиков» со своими причудами и загибами:

– чудик – несостоявшийся ученый, Моня Квасов – изобрел вечный двигатель («Упорный»);

– чудик – мудрец-философ, Николай Князев – автор философских трактатов («Штрихи к портрету»); Алеша Бесконвойный нашел способ избавления от суеты («Алеша Бесконвойный»);

– чудик-художник, Василий Князев («Чудик»);

– чудик – великий актер, Пронька Лагутин («Ваня, ты как здесь?!»);

– чудик-музыкант, шорник Антипа Калачикова («Одни»);

– чудик-враль, Гринька Малюгин («Гринька Малюгин»); Бронька Пупков («Миль пардон, мадам!»).

В своем исследовании М. Сидорова утверждает, что «всех этих героев объединяет стремление приподняться над обыденностью, которая томит их» [13, с. 21]. И это стремление чудиков приподняться над обыденностью оборачивается тем, что они не только идут против толпы, но и не дают своей душе лениться. А это является одним из показателей духовности героев – беспокойности совести, ищущей души.

В качестве примера можно привести Егора – героя рассказа «Как зайка летал на воздушных шариках», обладающего безусловным даром душевности, душевной тонкости: «Федор с улыбкой посмотрел на брата, кивнул согласно головой. – Ладно. Иди поспи. Там постель тебе приготовлена... Иди» [14].

Казалось бы, сюжет исчерпан, но далее следует продолжение: «Спать не хотелось. Вошел в комнату Федор.

– Слушай, – сказал он, – у меня чего-то серьезная душа затревожилась» [14].

Короткий монолог брата заставил Егора вновь задуматься. Финальная фраза «Спать не хотелось» не случайно звучит в рассказе второй раз: душа обоих встревожена, но до конца братья так и не открылись друг другу. Напряжение не было снято.

Есть и такие чудики, которым свойственно гордое сознание своей непогрешимости и права всех обличать. Таким чудиком является Николай Князев (рассказ «Штрихи к портрету»). Персонаж испытывает «сладостное чувство, что он кричит людям всю горькую правду про них...» [15], «плохо уживается с людьми, его жалеют как больного, дурачка, юродивого, но жалостливое участие других ему противно и ненавистно» [16].

В качестве примера особенностей «чудика» и его речевого поведения рассмотрим образ Анатолия Яковлева и характер его воплощения в рассказе-анекдоте «Дебил».

Содержание произведения включает описание забавного случая, который нарушает обычное течение нормальной жизни. Парадокс ситуации раскрывается в своеобразном «перевертывании» ситу-

ации, в которую закономерно попадает герой Анатолий Яковлев. Ситуация, представленная в зачине и подтверждаемая чередой других алогичных поступков героя, составляет ядро сюжета и выступает катализатором всего повествования: «Анатолия Яковлева прозвали на селе обидным словом, дурацким каким-то прозвищем – Дебил» [17]. Так, совершая покупку шляпы, герой «легким движением насаживал ее, пушиночку, на голову и смотрелся в круглое зеркало» [17]. Приобретая шляпу, он стремится утвердиться в обществе, сойти за умного человека. Шляпа для него – знак «цивилизешен», а для окружающих – повод посмеяться: «На жену Анатолия шляпа произвела сильное впечатление: она стала квакать (смеяться) и проявлять признаки тупого психоза» [17]. В итоге создается трагикомический эффект. В речи повествователя указана причина парадоксальности ситуации: «Так довели мужика с этим Дебиллом, что он поехал в город, в райцентр, и купил в универмаге шляпу» [17].

В речевой партии повествователя отсутствуют описания, которые характеризуют внешность героя, указывается лишь некий условный набор клишированных качеств: «...отработал на Севере по вербовке пять лет и два года отсидел за нарушение паспортного режима – он жизнь видел» [17]. Разыгрываемая роль героя подтверждается выбором определенных номинаций, не используемых им в повседневной жизни. Речь Анатолия включает атрибуты «цивилизованного» человека (см. книжную лексику: «свинцовая примочка», «синьорина», «целесообразно», «направление»). «Интеллигент» Анатолий вступает в поучительный монолог, вызывая этим смех окружающих.

Абсурдность ситуации раскрывается в диалоге героя с продавщицей: «Невесту, что ли, выбираете? Вот выбирает, вот выбирает, глядеть тошно. Анатолий спокойно спросил: – Плохо ночь спали? – Продавщица не поняла» [17].

Последняя фраза в речи героя отражает наигранную доброжелательность: Анатолий делает попытку казаться интеллигентом, надевает театрализованную маску, которая формирует контраст «дебил»/«учитель». Диалог с учителем литературы приводит к разрешению внешней ситуации (она напоминает эпизод из рассказа «Срезал» – учитель, по сути, и является «кандидатом» из рассказа, только здесь показан ход, которым должен был на самом деле воспользоваться «кандидат»). Учитель насмехается над шляпой, тем самым смеясь над Анатолием и сравнивая его со шляпой.

В поведении Анатолия используется прием, характерный для речевого поведения других персонажей – Кольки из рассказа «Ноль-ноль целых» и Броньки Пупкова из рассказа «Миль пардон, ма-

дам»: герой обращает внимание учителя на свою шляпу и заводит разговор о ней, использует паузы, желая заинтересовать собеседника («В городе...»), затем применяет тактику хамелеонства, пытаясь подстроиться под учителя: «Анатолий и тон этот подхватил – подчеркнуто спокойный» [17]. Однако учитель пользуется его же приемом, выводя Анатолия из привычного состояния «маски». «Чудик» Анатолий Яковлев пытается перевести разговор на другую тему, но учитель не дает это сделать. Одним из коммуникативных ходов этой тактики является фраза, не связанная с темой разговора, отражающая попытку обезвредить собеседника, перехватить инициативу: «Мелюзга балуется, – сказал он. – Мули. – Что?» [17]. Попытка не удается, учитель будто и не замечает всех приемов Анатолия, и в конце концов Анатолий снимает маску и становится самим собой – «чудиком».

Надевая маску, герой перевоплощается: в его речи используются такие слова, как *синьорина* (обращение к жене), однако употребляются и жаргонные слова, привычные для Анатолия и его среды: «шалашня», «замытариться», т. е. полностью уйти от привычной речи у героя не получается.

Шляпа, по сути, является знаковым атрибутом, отражающим желание приобщиться к городской культуре, однако «чудик» в Анатолии берет верх. Автор выводит героя из неестественного для него состояния: «Анатолий пошел вразвалочку по берегу... Отошел метров пять, снял шляпу, зачерпнул ею воды, напился... Отряхнул шляпу, надел опять на голову и пошagal дальше. На учителя не оглянулся. Пропел деланно беспечно: – Я ехала домой, / Я думала о вас» [17]. Неожиданное спонтанное действие героя приближает его к миру детства, туда, где существует жизнь. Рассказ заканчивается так же, как и «Чудик», – песней. Шукшин часто вводит этот мотив в свое произведение именно как способ разрешения духовного конфликта, своеобразного исцеления, что и произошло с главным героем рассказа Анатолием Яковлевым.

В смысловом развертывании текста важна оценочная номинация «дебил». Содержание лексемы раскрывается в спектре клишированных качеств: «психически недоразвитый человек» [18, с. 155], «глупый, несообразительный человек; тупица» [19]. С самого начала повествования данная номинация воспринимается как обобщенный типаж шукшинского «чудика». В соответствии со своим прозвищем герой совершает парадоксальные поступки («снял шляпу, зачерпнул ею воды, напился» [17]), тем самым раскрывает себя со всех сторон («он походил в ней на культурного китайца», «он вдруг обрел уверенность, не толкался, не суетился, с достоинством переждал» [17]).

В общих чертах можно говорить, что речевое поведение «чудиков» характеризуется коммуникативно-речевой дисгармонией: шукшинские герои постоянно попадают в ситуации коммуникативного дискомфорта, приводящие их к коммуникативным неудачам и коммуникативным конфликтам. Это отражается в использовании персонажами языковых средств в соответствии с коммуникативной стратегией, в частности, в незнании денотативной отнесенности и семантики слов, в употреблении окказиональных и диалектных единиц, многозначных слов. В. М. Шукшин представляет своих «чудиков» лаконично и ярко: номинации героев и их определения отражают социальные и возрастные особенности персонажей и их оценку. В структуре оценочных определений преобладает отрицательная коннотация («толстогубый», «белобрысый», «ехидный»). Чаще всего чудики неприятны окружающим: их вид, слова, поведение вызывают отрицательные эмоции. Оценки других персонажей также однозначны: «дошлый, собака». Сам В. М. Шукшин использует прием, редкий для произведений художественной литературы: автор сам дает однозначную оценку персонажу: «жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще» [20]).

Несмотря на все странности героев-чудиков, по мнению И. Н. Дубиной, «душа не дает им покоя. Душа эта мающаяся» [21, с. 37]. Это подтверждает слова самого В. М. Шукшина: «Чудаковатость моих героев – форма проявления их духовности» [22, с. 402].

Создав тип «чудака», поведение которого отличается от общепринятых норм, вызывает недоумение и сочувствие окружающих, В. М. Шукшин наделяет его большой душой, готовностью помочь любому. Герои осознают свою «чудаковатость», но изменить себя не в состоянии. Такое поведение напоминает образ жизни юродивого, который добровольно принимает образ умалишенного. Наряду с этим к осознанию своей никчемности, безысходности и одиночества их приводит людское равнодушие.

В заключение важно отметить, что «чудик» В. М. Шукшина – это лингвокультурный типаж, представляющий секуляризированный житийный персонаж, рудимент древнерусского святого, светлая душа, по-своему одухотворенная личность, далеко не идеальная, но живущая неосознанным стремлением к праведности, страдающая от людской злобы, от непонимания и часто – от одиночества.

Список литературы

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
2. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
3. Лутовинова О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Ученые записки ЗабГГПУ. 2009. № 3. С. 225–228.
4. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудака». М.: Гнозис, 2006. 240 с.
5. Шукшин В. М. Вопросы к самому себе / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.
6. Хисамова Г. Г. Речевое поведение героев рассказов В. М. Шукшина // Русская речь. 2004. № 4. С. 51–55.
7. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
8. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2007. Вып. 11 (74). С. 105–111.
9. Новикова О. Н. Юродство как способ игровой репрезентации себя миру // Эко-потенциал. 2015. № 1 (9). С. 125–128.
10. Гурова Е. П. Юродивый и блаженные в рассказах-очерках Г. И. Успенского // Вестн. Пермского ун-та. 2012. Вып. 1 (17). С. 84–92.
11. Эсмаили Самира. Художественный конфликт в малой прозе В. М. Шукшина (структура, типология): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 147 с.
12. Астафьев В. П. Приворотное зелье. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00863071224695203737/> (дата обращения: 17.02.2016).
13. Сидорова М. «У меня тоже душа есть»: «Чудик» и другие рассказы В. Шукшина // Русский язык и литература для школьников. 2004. № 4. С. 20–21.
14. Шукшин В. М. Как зайка летал на воздушных шариках. URL: <http://www.litra.ru> (дата обращения: 17.02.2016).
15. Шукшин В. М. Штрихи к портрету. URL: <http://www.e-reading.by/> (дата обращения: 17.02.2016).
16. Мартиросян О. А. Своеобразие типа героя В. М. Шукшина. URL: <http://www.host2k.ru/library/svoeobrazie-tipa-geroia-shukshina.html> (дата обращения: 17.02.2016).
17. Шукшин В. М. Дебил. URL: http://www.libtxt.ru/chitat/shukshin_vasilyi/24730-debil.html (дата обращения: 17.02.2016).
18. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 50 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
19. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/156983/Дебил> (дата обращения: 17.02.2016).

20. Шукшин В. М. Срезал. URL: <http://lib.ru/SHUKSHIN/srezal.txt> (дата обращения: 17.02.2016).
21. Дубина И. Н. Проблемы творчества в произведениях В. Шукшина. URL: www.shuckshin.narod.ru/article.html (дата обращения: 17.02.2016).
22. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Екатеринбург, 1994.

Леонтьев Э. П., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, магистрант.

ОГБУ «Региональный центр развития образования».

Ул. Татарская, 16, Томск, Россия, 634050.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: ernestleontyev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.02.2016.

E. P. Leontyev

LINGUO-CULTURAL TYPE “WEIRDO” (CRANK) AND HIS EMBODIMENT IN THE STORIES BY V. M. SHUKSHIN

The article considers the concept of a linguo-cultural type as the synthesizing type and to manifestation of a linguo-cultural type the “weirdo” (crank) and to his manifestation in art texts of V. M. Shukshin. The given linguo-cultural type is analyzed taking into account the main results of modern anthropological linguistics, and also the motive and a phenomenon of affected feeble-mindedness and “voluntary buffoonery” characteristic of the Russian traditional culture of the 19th century. Key ranks of types heroes are defined and the main types of the heroes “weirdo” (crank) of V. M. Shukshin (unaccomplished scientist, philosopher, artist, actor, musician, liar) seeking to rise over the ordinary life are revealed, the main features of speech behavior of “weirdo” (crank) in peculiar “change understanding” of a situation of a vital case of the hero on the example of the story “Idiot” are defined, function of use by “weirdo” (crank) of a speech mask in the context of communicative and speech disharmony is opened.

Key words: *linguo-cultural type, “weirdo”, foolishness, speech behavior, V. M. Shukshin.*

References

1. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1997. 824 p. (in Russian).
2. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turniy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* [Linguo-cultural type: to definition of concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: Lingvokul'turnyye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: Linguo-cultural character types: collection of scientific works]. Ed. B. I. Karasik. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, pp. 5–25 (in Russian).
3. Lutovinova O. V. “Lingvokul'turniy tipazh” v ryadu smezhnykh ponyatiy, ispol'zuemykh dlya issledovaniy ayazykovoy lichnosti [“Linguo-cultural type” in the row of allied concepts used for the research of a linguistic personality]. *Uchenyye zapiski ZabGGPU – Scientific notes of Transbaikal state humanitarian and pedagogical university of N. G. Chernyshevsky. Series: Philology, history, oriental studies*, 2009, no. 3, pp. 225–228 (in Russian).
4. Karasik V. I., Yarmakhova E. A. *Lingvokul'turnyy tipazh “angliyskiy chudak”* [Linguo-cultural type “the English weirdo”]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 240 p. (in Russian).
5. Shukshin V. M. *Voprosy k samomu sebe* [Questions to myself]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1981. 256 p. (in Russian).
6. Khisamova G. G. *Rechevoye povedeniye geroev rasskazov V. M. Shukshina* [Speech behavior of heroes of V. M. Shukshin's stories]. *Russkaya rech' – Russian speech*, 2004, no. 4, pp. 51–55 (in Russian).
7. *Illustrirovanny entsiklopedicheskiy slovar' F. Brokgauza i I. Efrona* [The illustrated encyclopedic dictionary by F. Brockhaus and I. Efron]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p. (in Russian).
8. Rostova N. N. *Chelovek obratnoy perspektivi kak filosofsko-antropologicheskiy tip* [Person of reverse perspective as philosophical anthropological type (investigation of fools for christ's sake)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2007, no. 11 (74), pp. 105–111 (in Russian).
9. Novikova O. N. *Yurodstvo kak sposob igrovoy reprezentatsii sebya miru* [The foolishness of the game as a way of representation to the world]. *Eko-potentsial – Eco-Potential*, 2015, no. 1 (9), pp. 125–128 (in Russian).
10. Gurova E. P. *Yurodivyy i blazhenny v rasskazakh-ocherkakh G. I. Uspenskogo* [The foolish and the blissful in G. I. Uspensky's stories-sketches]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2012, issue 1 (17), pp. 84–92 (in Russian).
11. Esmaili S. *Khudozhestvennyy konflikt v maloy proze V. M. Shukshina (struktura, tipologiya). Dis. kand. philol. nauk* [The art conflict in small prose of V. M. Shukshin (structure, a typology). Thesis of kand. filol. sci.]. Moscow, 2014. 147 p. (in Russian).
12. Astaf'ev V. P. *Privorotnoye zel'e* [Love potion]. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00863071224695203737/> (accessed 17 February 2016) (in Russian).
13. Sidirova M. “U menya tozhe dusha est”: “Chudik” i drugiye rasskazy V. Shukshina [“I also have a soul”: “Weirdo” and other stories of V. Shukshin]. *Russkiy yazyk i literatura dlya shkol'nikov – Russian and literature for school students*, 2004, no. 4, pp. 20–21 (in Russian).

14. Shukshin V. M. *Kak zayka letal na vozdushnykh sharikakh* [As hare flew on balloons]. URL: <http://www.litra.ru> (accessed 17.02.2016) (in Russian).
15. Shukshin V. M. *Shtrikhi k portretu* [Touches to the portrait]. URL: <http://www.e-reading.by/> (accessed 17 February 2016) (in Russian).
16. Martirosyan O. A. *Svoeobrazie tipa geroya V. M. Shukshina* [The originality of the hero-type of V. M. Shukshin]. URL: <http://www.host2k.ru/library/svoeobrazie-tipa-geroya-shukshina.html> (accessed 17 February 2016) (in Russian).
17. Shukshin V. M. *Debil* [Moron]. URL: http://www.libtxt.ru/chitat/shukshin_vasiliy/24730-debil.html (accessed 17 February 2016) (in Russian).
18. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian language: 50,000 words and phraseological expressions]. Moscow, "ITI Tekhnologii" Publ., 2003. 944 p. (in Russian).
19. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazika Efremovoy* [Modern explanatory dictionary of the Russian language by Efremova]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/156983/Дебил> (accessed 17 February 2016) (in Russian).
20. Shukshin V. M. *Srezal* [Cut off]. URL: <http://lib.ru/SHUKSHIN/srezal.txt> (accessed 17 February 2016) (in Russian).
21. Dubina I. N. *Problemy tvorchestva v proizvedeniyakh V. Shukshina* [The problems of creativity in the works of V. Shukshin]. URL: www.shukshin.narod.ru/article.html (accessed 17 February 2016) (in Russian).
22. Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 1* [Collected works: in 5 v. V.1]. Ekaterinburg, 1994 (in Russian).

Leontyev E. P.

Regional state budgetary institution "Regional center of education development".

Ul. Tatarskaya, 16, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: ernestleontyev@mail.ru

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: ernestleontyev@mail.ru